

Если сказать, что история с консорт Лин стала тем толчком, который пробудил в Лун Сюане защитные инстинкты, Вэнь Юаньсинь был с этим полностью согласен.

Потому что теперь, куда бы он ни направлялся, за ним неизменно следовали по меньшей мере две служанки и слуга. Впрочем, он подозревал, что этим дело не ограничивается — наверняка в тени еще дежурили какие-нибудь скрытные стражи. Но вот что казалось ему странным... консорт Лин ведь тогда ему ничегошеньки не сделала?

На свой вопрос он получил такой ответ:

— То, что конкретно эта консорт Лин не пускает в ход кулаки, еще не значит, что не найдется другой, которая попытается это сделать.

...Лун Сюань что, сейчас пророчил ему беду?

Вздохнув, он снова перевел взгляд на Лун Чана и «учебный кружок» при трех гунах.

Великий наставник, глава трех гунов, заслуживший признание Лун Сюаня едва ли в неполные двадцать лет, носил имя Цан Чэн; у него были рыжие волосы и бирюзовые глаза.

Государственный наставник — единственный из трех гунов моложе шестнадцати. Несмотря на юный возраст, умом он ничуть не уступал Цан Чэну, разве что был излишне вспыльчив; звали его Чжао Юэминь, и волосы у него были каштановыми, как и глаза.

Хранитель государя Сыма Янь, самый старший среди трех гунов, которому исполнилось двадцать пять лет, лучше всего разбирался в военном деле; у него были лиловые волосы и красные глаза.

— Ваше Высочество, пожалуйста, заучите эту «Книгу песен» наизусть в течение трех дней, — с улыбкой произнес Чжао Юэминь, пододвигая вперед толстую стопку бамбуковых планок.

Лун Чжан побледнел и уже было открыл рот, собираясь отказаться, но Сыма Янь перебил его:

— Ваше Высочество, сейчас для вас важнее всего как следует поработать над произношением.

После таких слов Лун Чжану оставалось лишь промолчать: действительно... от этой участи ему было не уйти.

— Молодой господин Мо, раз мы все свои, не соизволите ли вместе с нами отобедать в Резиденции великого наставника? — Цан Чэн хоть и вечно ходил с холодным лицом, на самом деле обладал теплым сердцем, и его слова зачастую грели куда сильнее, чем казалось поначалу.

— А? Уже столько времени? — отложив книгу, Вэнь Юаньсинь удивленно посмотрел на косо висящее за окном закатное солнце. Он уже собирался встать, как вдруг сзади его тонкую талию обвила крепкая мужская рука. Хотя лица он не видел, по знакомому запаху и теплу, которые день за днем прижимали его к себе, он сразу понял, кто это. — Сюань...

— Юань, ты засиделся сегодня допоздна. Разве мы не договаривались, что, как только солнце скроется за горизонтом, я хочу видеть тебя во Дворце Сюанььюань? — нежно поцеловав его в ухо, прищурился Лун Сюань и с легкой ревностью в голосе задал вопрос.

За последние дни подобные нежности стали обычным делом, и остальные уже привыкли,

смущенно отворачивались разве что некоторые служанки.

— Вавилон... то есть Вашему Величеству и всем остальным: подданный хочет пригласить наследного принца, молодого господина Мо и Ваше Величество разделить со мной трапезу, — тут же обратился к Лун Сюаню Цан Чэн.

— В Резиденцию великого наставника?

— Да.

— С чего это вдруг ты вздумал звать нас к себе?

— Подданному просто взбрело в голову. Если Ваше Величество не желает, настаивать я не стану.

Лун Сюань немного подумал, просто кивнул в знак согласия и велел попутно разыскать Тао Цайвэня, чтобы тот тоже присоединился.

— О, тогда я захвачу с собой домашнего выдержанного цзюньхуна! — захлопал в ладоши Чжао Юэминь, который, будучи еще совсем юным, бежал туда, где было веселее всего.

— Юэминь, тебя вроде бы никто не звал. Развекого голышом врываться так бесцеремонно — это хорошо? К тому же ты еще мал, с какой стати тебе перенимать привычку пить выдержанный цзюньхун? — неожиданно с усмешкой поддразнил Сыма Янь своего друга детства, с которым рос вместе, и залился смехом, глядя, как Чжао Юэминь от обиды надул губы.

Нахмурившись, юный государственный наставник рявкнул:

— Сыма Янь! С чего это я мал? В начале следующего лета мне исполнится шестнадцать! И тогда я, я непременно померяюсь с тобой силами в распитии вина!

В пылу спора он сам того не замечая выдал свой истинный возраст, вызвав у всех дружный хохот. Даже маленький принц Лун Чжан, мало что понимавший, расплылся в широкой улыбке.

— Эй! Ч-что вы смеетесь?! — доведенный до белого каления Чжао Юэминь едва не бросился на всех с кулаками.

— Ладно-ладно, давайте пойдем все вместе? — Вэнь Юаньсинь с улыбкой вмешался, чтобы сгладить неловкость, и повернулся к Цан Чэну: — Можно ведь, господин Цан Чэн?

Тот кивнул и принялся собирать разбросанные свитки.

— Тогда мы явимся через два часа, — Лун Сюань бросил взгляд на небо. Если сейчас искупаться, как раз успеют. — Юань, пойдем.

— Мм! Чаня я оставляю на вас, Юэ Цинь и остальные! — Вэнь Юаньсинь позволил Лун Сюаню поднять себя на руки и передал Лун Чана Цинь, Ци, Шу и Хуа, которые в последнее время неотступно следовали за ним по пятам.

— Слушаемся. — Отдав поклон, Юэ Цинь уже собиралась взять маленького принца за руку, как вдруг Лун Чжан стрелой метнулся к Вэнь Юаньсиню.

— Чань?

— Братец Юань... не уходи! — скривив личико, захныкал Лун Чжан, пытаясь уговорить его еще толком не окрепшей детской речью.

Еще чего! Последние дни этого братца Юаня вечно забирал себе его собственный отец, и заполучить его удавалось лишь тогда, когда отца не было рядом, но при этом приходилось учиться... Больше он терпеть не мог!

— К-какой милый! — Вэнь Юаньсинь захлопал фиолетовыми глазами, уставившись на Лун Чана, и наконец вырвался из сильных рук Лун Сюаня, подбежав, чтобы обнять теплое маленькое тельце.

Лун Сюань остался стоять на месте со дергающимся уголком глаза. Он посмотрел на собственные руки, затем на обнимающихся двоих... Как же так? Неужели шестилетний сын ценится выше него самого?! ...А ведь, пожалуй, если Вэнь Юаньсинь и говорил, что любит его, то только потому, что он — отец Лун Чана...

При этой мысли лицо Лун Сюаня помрачнело и стало холодным, как лед.

— Ха! А Вашего Величества-то утерли нос! — Чжао Юэминь, еще мгновение назад дувшийся, теперь увидел выражение лица Лун Сюаня и, совершенно не дорожа собственной жизнью, звонко рассмеялся.

— ...Чжао Юэминь, жить надоело? — Сыма Янь дернул юного наставника за длинный рукав, пресекая его попытки самоубийства.

— Мне утерли нос? Хм! Да я сейчас покажу вам причину, по которой меня никому и никогда не переплюнуть!

С этими словами он шагнул вперед, властным движением повернул к себе лицо Вэнь Юаньсиня и накрыл его губы своими.

— Мм...?! — Вэнь Юаньсинь с ошеломленным видом смотрел на длинные ресницы Лун Сюаня, которые было отчетливо видно из-за того, что тот закрыл глаза. Обжигающее дыхание, исходившее от него, по обыкновению несло в себе тяжелую властность, а горячий, настойчивый язык во рту уже привычными движениями ласкал его собственный, еще не успевший ответить на поцелуй мягкий язык.

Остальные, наблюдая за столь смущающей сценой, поспешили ретироваться под предлогом того, что смотреть на непристойности не подобает, а кто-то остался стоять, оправдываясь тем, что не глядеть сейчас — значит вести себя как вероломный чиновник. Сложнее всего пришлось бедному Лун Чану, которого Вэнь Юаньсинь прижимал к груди.

— Братец Юань...

Его опять опередили?

Искоса глядя на то, как Лун Сюань наслаждается моментом, Лун Чжан вспылал дикой ревностью. Забыв о страхе перед отцовским гневом, он протянул руку, оттолкнул Лун Сюаня и тоже прижался своими губами к губам Вэнь Юаньсиня.

Это зрелище оказалось еще более шокирующим, чем предыдущее... Отец и сын соревнуются за одного человека, да к тому же этот человек — мужчина!

Лун Сюань и вовсе остолбенел, в неверии уставившись на Лун Чана...

Вэнь Юаньсинь, поцелованный подряд двумя особами, от растерянности совершенно забыл, как дышать, но, к счастью, Лун Чжан лишь легко коснулся его губ на пару секунд и сразу отпустил.

Однако насладиться победой юному ревнивцу не дали: его тут же подхватили за шкуру, и сделал это вовсе не Лун Сюань, а Цан Чэн.

— Наследный принц решил вдоволь пошуметь? — брови Цан Чэна едва заметно дрогнули, и вид у него был не слишком довольный.

Лун Чжан, собиравшийся уже было всю возмущаться, поднял глаза на это холодное лицо и благоразумно проглотил готовые сорваться с языка слова.

Ой-ой... Этот дядя страшнее самого отца!

— Чань, а ты, оказывается, уже меня не боишься, — губы Лун Сюаня тронула зловещая улыбка. Он крепко подхватил на руки Вэнь Юаньсиня, у которого отнялись ноги и который уже не мог стоять самостоятельно, и добавил: — Только вот твой братец Юань от меня ни на шаг не отойдет!

Услышав это, Лун Чжан побледнел как полотно. Нет, только не это! Это же его братец Юань!

— Подданный ответит наследного принца.

— Ступай, а я вскоре принесу Юаня с собой, — махнув рукой, Лун Сюань зашагал в сторону Дворца Сюаньюань, прихватив с собой и Цинь, Ци, Шу и Хуа — раз уж Чаня доверили Цан Чэну, пусть лучше прислуживают истинному хозяину!

— Слушаемся.

Толпа рассеялась, и никто не заметил, как черная тень стремительно промелькнула мимо опустевшего и погрузившегося в тишину книгохранилища.

Из большого купального бассейна, располагавшегося рядом с внутренней комнатой, доносились заставляющие кровь прилить к лицу стоны, хотя сами мужчины почти не соприкасались друг с другом... по крайней мере, на первый взгляд.

— Ах... Сюань...

— Только что ты, кажется, с большим удовольствием предавался поцелуям с Чанем? — Лун Сюань с коварной улыбкой посильнее сжал в руке чужой миниатюрный нефритовый жезл.

Нахмурившись, Вэнь Юаньсинь с беспомощным выражением лица посмотрел на этого приревновавшего мужчину. Ревнует, значит? Не думай, будто ревновать умеет только он один!

— Я... я еще не спросил тебя... чего тебя понесло в тот малинник? — стиснув зубы, он из последних сил сдерживал рвущиеся наружу стоны.

В последние дни из-за того, что они спали на одном ложе, выражение «глаза разбегаются от такой красоты» как нельзя лучше подходило к Вэнь Юаньсиню! К тому же Вэнь Юаньсинь совершенно не защищался перед ним, отчего казался еще более лакомым и соблазнительным.

Не съесть его — не мужчина; а съесть — значит разрушить то, что он недавно решил для себя.

Разве это не поиск проблем на свою голову?

Прошлой ночью, снова глядя на это безмятежное, не подозревающее подвоха лицо, он едва не поддался искушению... В итоге ни толком не выспался, ни получить желаемое не смог. Под утро, едва забрезжил рассвет, пришлось тащиться во внутренний дворец к наложницам, чтобы хоть как-то сбить жар. И зачем он только устраивал себе эти мучения?

— С чего это ты вдруг осведомился? — движение руки прекратилось. Ему было страшно любопытно наблюдать, как этот парень ревнует.

— Увиливаешь от ответа... Стоило тебе уйти, как я проснулся. Судя по тому, с какой скоростью и куда ты направился, к кому еще ты мог пойти, как не к тем женщинам? — Вэнь Юаньсинь сверкнул на него глазами. Только-только процесс пошел как надо, как эта проклятая волчья лапа замерла, и ему пришлось с досадой самому перехватить ее, чтобы продолжить. — Ах, мн... неужели ты у нас... так сильно озабочен?

— И кто в этом виноват, как не ты, лисиченыш? — усмехнулся Лун Сюань и, резко сжав руку, выпустил струю белой жидкости прямо в воду, где она брызнула ему на живот.

— Ха... — Вэнь Юаньсинь бессильно обмяк в объятиях Лун Сюаня, позволяя тому продолжать заботливые ласки, и, расслабившись до состояния мягкой глины, лениво протянул: — И зачем только ты к ним ходишь? Разве мужчина с женщиной не могут... Хм, впрочем, верно, кажется, подходящего места просто нет... А! Лун Сюань, ты что делаешь?!

В разгар разговора что-то без всякого предупреждения вторглось в место, которым он обычно справлял нужду! Впрочем, в прошлый раз Лун Сюань вроде бы делал что-то похожее...

— Кто сказал, что нет? Разве это не оно? — Тьфу ты, его маленький Юань был настолько невинным, что так и тянуло испачкать эту чистоту.

— Эй-эй? Сюда?.. — Наверное... вряд ли это возможно? Бросив взгляд на достоинство Лун Сюаня... мда, с такими габаритами оно вряд ли поместится!

— Хочешь проверить прямо сейчас? — словно собираясь претворить угрозу в жизнь, второй палец принялся легко очерчивать круги вокруг входа и, воспользовавшись скользкой от воды смазкой, проник в хризантемовый бутон.

— Мм... нет, нам же скоро идти...

— Знаю, так что... надолго затягивать я не стану, ха! Ладно, поднимайся! А то люди заждались.

Легко чмокнув покрасневшие губы, он встал и, подхватив висевшее рядом большое банное полотенце, обернул им еще влажное тело Вэнь Юаньсиня, только что выбравшегося из воды.

— Значит, ты и дальше будешь бегать по бабникам? — сверкнув глазами, тот выхватил полотенце и гордо удалился сам.

— Мм? Разозлился? — Лун Сюань ничуть не расстроился. Тщательно вытеревшись, он облачился в нижние одежды и вышел из-за ширмы, позволяя Луо Шу и Ин Хуа помочь ему с остальным нарядом. — Юань, ты что, за последнее время все бочки с уксусом в округе перевернул?

Тот, к кому обращались, лишь презрительно фыркнул, решив твердо игнорировать его весь оставшийся вечер, и позволил Юэ Цинь и Жуй Ци возиться со своим лицом и волосами.

Сам пострадавший молчал, зато стоявшая рядом Ин Хуа с улыбкой на губах и споро работающими руками вставила словечко:

— Ваше Величество, а ведь молодой господин Мо начал вовсе не с недавних пор!

— Точно-точно! В тот самый день, когда мы только попали к Вашему Величеству на службу, молодой господин Мо уже успел нас этим уксусом облить! — подхватила слова младшей сестры Луо Шу, и в ее кокетливой улыбке не осталось и следа от суровой выучки боевых искусств.

— О? Было дело?

Лун Сюань изобразил крайнее удивление, хотя на самом деле ни капли не был удивлен. Хм! Он ведь все лучше и лучше узнавал своего маленького Юаня!

— И правда было! — улыбнулась Юэ Цинь, подвешивая к поясу Вэнь Юаньсиня новую подвеску. — Вот и всё! Готово!

— С меня хватит! Хватит уже вдвоем издеваться надо мной! — надув губы, с недовольством пожаловался Вэнь Юаньсинь. — Сюань, ты закончил? У меня в животе уже урчит от голода!

— Разве мы не закончили? Пойдем! — Лун Сюань протянул руку и, притянув затаившего обиду парня в свои объятия, зашагал вперед.

— Да, да! В тот самый день, когда нас прислали прислуживать тебе, господин Мо, он уже тогда окатил нас уксусом от ревности! — Луо Шу весело подхватила слова младшей сестры. В её кокетливом смехе не осталось и следа от той хватки, что подобает мастеру боевых искусств.

— О? Неужели такое было? — Лун Сюань притворился удивлённым, хотя на самом деле ничуть не удивился. Ха! Он всё лучше и лучше узнавал этого своего маленького Юаньсиня.

— Да, действительно было! — Юэ Цинь улыбнулась и прикрепила связку украшений на пояс Вэнь Юаньсиню. — Готово! Великое дело завершено!

— Ну хватит уже! Перестаньте издеваться надо мной! — Вэнь Юаньсинь надул губы и недовольно проворчал: — Сюань, ты там скоро? Я ужасно проголодался!

— Разве не готово? Пошли! — Лун Сюань протянул руку, притянул к себе сердитого юношу и увлёк его за собой.

Если говорить о том, что именно случай с консьорт Лин стал тем самым толчком, который пробудил в Лун Сюане собственнический инстинкт, то Вэнь Юаньсинь был с этим полностью согласен.

Теперь, куда бы он ни пошёл, следом за ним всегда семенили как минимум две служанки или

слуги. Но он подозревал, что этим дело не ограничивается: наверняка где-то в тени притаились ещё и невидимые стражи. Однако его смущало другое... ведь консорт Лин тогда так ничего ему и не сделала?

На его вопрос он получил ответ: — То, что консорт Лин не проявила себя тогда, не значит, что не появятся другие, которые проявят.

...Лун Сюань сейчас что, проклиняет его, что ли?

Вздыхнув, он продолжил наблюдать за читательским кружком Лун Чжана и трёх советников.

Великий наставник, глава трёх советников, заслуживший признание Лун Сюаня, едва достигнув двадцати лет, звался Цан Чэн. У него были рыжие волосы и изумрудные глаза.

Императорский наставник — единственный из троих, кому ещё не исполнилось шестнадцати, — хотя и был юн, но умом не уступал Цан Чэну, разве что был немного вспыльчив. Звали его Чжао Юэминь, и у него были каштановые волосы и карие глаза.

Хранитель наследника Сыма Янь был самым старшим из троих — ему исполнилось двадцать пять. Он лучше всех разбирался в военном деле, обладал пурпурными волосами и красными глазами.

— Ваше Высочество, прошу вас, выучите наизусть Книгу песен к сроку через три дня, — Чжао Юэминь с улыбкой протянул толстый свиток. Лицо Лун Чжана побледнело, он уже хотел отказаться, но его прервал Сыма Янь: — Ваше Высочество, сейчас для вас важнее всего отточить ваше произношение.

После таких слов Лун Чжану оставалось лишь молчать. Действительно... этого было не избежать, такова была его судьба.

— Молодой господин Мо, не побрезгуете ли отобедать в Резиденции великого наставника? — Цан Чэн хоть и часто сохранял холодное выражение лица, на самом деле был человеком тёплым внутри, и его слова зачастую звучали куда душевнее, чем его облик.

— А, уже столько времени? — Вэнь Юаньсинь отложил книгу и в изумлении посмотрел на заходящее солнце. Он хотел было подняться со стула, но его тонкую талию обхватила крупная ладонь. Хотя он видел лишь руку, знакомый запах и тепло, ставшие привычными после ночных объятий, подсказали, кто это. — Сюань...

— Юань, ты сегодня задержался допоздна. Разве мы не договаривались, что как только солнце скроется за горизонтом, я хочу видеть тебя во Дворце Сюаньюань? — Лун Сюань нежно поцеловал его в ухо и, прищурившись, с лёгкой ревностью в голосе спросил.

Поскольку в последние дни они часто вели себя столь откровенно, остальные уже привыкли, хотя некоторые служанки всё ещё смущённо отворачивались.

— Ваше Величество, я хотел бы пригласить наследника, молодого господина Мо и вас вместе разделить со мной трапезу, — тут же обратился Цан Чэн к Лун Сюаню.

— В Резиденцию великого наставника?

— Да.

— С чего вдруг ты решил нас позвать?

— Просто внезапное желание. Если Ваше Величество не желаете, я не стану настаивать.

Лун Сюань немного подумал, кивнул в знак согласия и распорядился заодно позвать Тао Цайвэня.

— А, тогда я прихвачу домашнего выдержанного вина Нюйэрхун! — Чжао Юэминь захлопал в ладоши. Будучи ещё совсем молодым, он обожал шумные компании.

— Юэминь, нас, кажется, не приглашали, тебе не кажется неуместным напрашиваться? К тому же, ты ещё мал, зачем подражаешь взрослым и пьёшь выдержанное вино? — Сыма Янь внезапно насмешливо подколот своего друга детства, рассмеявшись при виде того, как Чжао Юэминь обиженно надул губы.

Нахмурившийся юный наставник рявкнул: — Сыма Янь! Где это я мал? В начале следующего лета мне исполнится шестнадцать! Вот тогда я... я обязательно перепью тебя!

В пылу спора он невольно выдал свой истинный возраст, чем вызвал дружный хохот присутствующих. Даже маленький наследник Лун Чжан, не до конца понимавший суть, залился радостным смехом.

— Эй! Чего, чего вы смеётесь?! — сгорая от стыда и злости, Чжао Юэминь чуть было не бросился раздавать всем оплеухи.

— Ладно, ладно, давайте все вместе пойдём? — Вэнь Юаньсинь улыбнулся, пытаясь сгладить ситуацию, и обернулся к Цан Чэну: — Можно? Господин Цан Чэн?

Тот кивнул и принялся собирать разбросанные книги.

— Тогда мы придём через два часа, — Лун Сюань посмотрел на небо. Времени на то, чтобы

принять ванну, должно хватить. — Юань, пошли.

— Угу! Чжан-эр, побеспокою вас, Юэ Цинь! — Вэнь Юаньсинь позволил Лун Сюаню подхватить себя на руки и передал Лун Чжана на попечение Цинь, Ци, Шу и Хуа, которые всё последнее время не отходили от мальчика дальше чем на пять шагов.

— Слушаемся. — Поклонившись, Юэ Цинь уже собралась взять Лун Чжана за маленькую ручку, но тот вдруг юркнул прочь и бросился к Вэнь Юаньсиню.

— Чжан-эр?

— Брат Юань... не уходи! — Лун Чжан наморщил личико, умоляя на языке, который ещё не успел толком освоить.

Что за шутки! Последние дни его брат Юань постоянно был занят его отцом, и только когда отца не было рядом, он мог заполучить его внимание целиком, но самому-то приходилось учиться... Теперь он больше не мог терпеть!

— Какой... какой милый! — Вэнь Юаньсинь, не мигая, смотрел на Лун Чжана своими фиалковыми глазами. Он наконец вырвался из крепкой хватки Лун Сюаня, подбежал к мальчику и обнял его тёплое тельце. Лун Сюань стоял в стороне, подёргивая веком. Посмотрев на свои руки, а затем на обнявшуюся парочку, он подумал: что за дела? Неужели он проигрывает даже собственному шестилетнему сыну?... Возможно, Вэнь Юаньсинь сказал, что любит его, только потому, что он отец Лун Чжана...

При этой мысли лицо Лун Сюаня стало холодным, как лёд.

— Пфф! Ваше Величество, похоже, наследник уделал вас! — Чжао Юэминь, всё ещё дувшийся, при виде выражения лица Лун Сюаня, не подумав о последствиях, рассмеялся.

— ...Чжао Юэминь, ты смерти ищешь? — Сыма Янь дёрнул юного наставника за длинный рукав, пытаясь остановить его самоубийственное поведение.

— Я проиграл? Хм! Дайте-ка я покажу вам причину, по которой я не могу проиграть!

Сказав это, он сделал шаг вперёд, властно развернул лицо Вэнь Юаньсиня к себе и принял губами к его губам.

— М-м...? — Вэнь Юаньсинь, ошеломлённый, смотрел на длинные ресницы Лун Сюаня, которые были отчётливо видны, пока тот держал глаза закрытыми. Дыхание, исходящее от него, всегда было напористо-горячим, а жаркий, дерзкий язык в его рту привычно исследовал его полость, пока Вэнь Юаньсинь ещё не успел ответить на поцелуй.

Окружающие, ставшие свидетелями такой неловкой сцены, кто-то поспешил уйти под предлогом, что не гоже смотреть на подобное, а кто-то остался, оправдывая себя тем, что не смотреть — значит не быть верным подданным. Самым жалким в этой ситуации был, пожалуй, Лун Чжан, которого Вэнь Юаньсинь всё ещё прижимал к груди.

— Брат Юань... — снова забрали?

Уставившись на довольное лицо Лун Сюаня, Лун Чжан, охваченный ревностью и забыв о страхе перед отцом, протянул руку, оттолкнул его и сам прильнул губами к Вэнь Юаньсиню.

Это зрелище было ещё более ошеломляющим... отец и сын делят одного человека, причём мужчину!

Лун Сюань, не веря своим глазам, уставился на Лун Чжана...

Вэнь Юаньсинь, дважды подряд поцелованный, от изумления даже забыл, как дышать. К счастью, Лун Чжан лишь легко коснулся его губ на пару секунд и отстранился.

Но едва Лун Чжан получил своё удовольствие, как был поднят в воздух, причём не Лун Сюанем, а Цан Чэном.

— Ваше Высочество, баловства недостаточно? — его брови едва заметно дрогнули, и Цан Чэн выглядел явно недовольным.

Лун Чжан, который уже собирался поднять шум, взглянул на это холодное лицо и невольно проглотил слова, готовые сорваться с губ.

У-у-у... он ещё страшнее, чем отец!

— Чжан-эр, а ведь ты меня уже не боишься. — Лун Сюань с коварной улыбкой крепко обнял Вэнь Юаньсиня, у которого от такого потрясения подкосились ноги, и добавил: — Жаль только, что твой брат Юань уже ни на шаг не может от меня отойти!

Услышав это, Лун Чжан побледнел. Нет! Это его брат Юань!

— Я отведу наследника.

— Иди. А я скоро приду с Юанем. — Он махнул рукой и зашагал во Дворец Сюанььюань. Музыканты и художники последовали за ними: раз уж Лун Чжан с Цан Чэном, лучше обслуживать настоящего хозяина!

— Слушаюсь.

Толпа разошлась, не заметив, как мимо промелькнула чёрная тень. В тихом читальном зале не осталось ни души.

Из большой купальни рядом с внутренними покоями доносились томные стоны, хотя прямого контакта между ними почти не было... если смотреть поверхностно.

— А-а... Сюань...

— Ты, кажется, так увлёкся поцелуем Чжан-эра? — Лун Сюань злорадно сжал в руке маленькую, чувствительную плоть юноши.

Вэнь Юаньсинь нахмурился и с досадой посмотрел на этого ревнивца. Ревнуешь, да? Не думай, что только ты один на это способен!

— Я... я ещё не спрашивал тебя... что ты забыл в том женском гареме? — с трудом подавляя стоны, сквозь зубы процедил он.

В последнее время Лун Сюань, разделявший ложе с Вэнь Юаньсинем, считал, что выражение «красота, которой можно насытиться» подходит именно к нему! К тому же, Вэнь Юаньсинь не проявлял никакой осторожности рядом с ним, и в его глазах он был предельно соблазнителен.

Не взять его — не быть мужчиной; взять — разрушить принятое в душе решение.

Разве это не самоистязание?

Прошлой ночью, глядя на это спящее безмятежное лицо, он чувствовал такой порыв... что не мог уснуть, и хотелось, и было нельзя. В итоге, как только небо начало светлеть, он сбежал во внутренний дворец к наложницам, чтобы сбросить жар. И чего он только так мучил себя?

— Откуда ты знаешь? — рука Лун Сюаня замерла. Он с интересом наблюдал за ревностью юноши.

— Уходишь от ответа... Как только ты ушёл, я проснулся. По той скорости и направлению — куда ещё было идти, как не к той группе женщин? — Вэнь Юаньсинь сверлил его взглядом. Ему было так приятно, но эта проклятая волчья рука замерла, и ему пришлось самому схватить её и заняться самообслуживанием. — А-а... м-м... неужели ты... настолько неудовлетворён?

— Разве это не ты, маленький демон, довёл меня до такого? — Лун Сюань рассмеялся, рука его резко сжалась, и порция белой жидкости брызнула в воде прямо ему на живот.

— Фух... — Вэнь Юаньсинь бессильно обмяк в широких объятиях Лун Сюаня, позволяя ему ласкать себя, наслаждаясь этой негой, и спросил: — Зачем ты ходишь к ним? Разве с мужчиной нельзя? М-м... хотя, впрочем, кажется, некуда... А! Лун Сюань, ты что делаешь?

В тот самый момент, когда он говорил, что-то без предупреждения вошло в то самое место, которым он «делал дела»! Впрочем, кажется, Лун Сюань уже делал это однажды...

— Кто сказал, что некуда? Разве не здесь? — Цы-цы, его маленький Юань такой невинный, что его хочется испачкать.

— Э-э? Там... — Должно быть... это вряд ли возможно? Он взглянул на то, что у Лун Сюаня внизу... Хм, такого размера, наверное, не пройдёт?

— Хочешь попробовать прямо сейчас? — Словно собираясь сделать это на самом деле, он другим пальцем слегка погладил края, и при помощи влаги легко вошёл в проход.

— М-м... нет, скоро же ещё...

— Я знаю, поэтому... я не буду действовать так быстро. Ха! Ладно, вставай! А то заставят долго ждать. — Он чмокнул его в алые губы и поднялся, накинув на только что вышедшее из воды, всё ещё влажное тело Вэнь Юаньсиня большое полотенце.

— Значит, ты всё равно будешь часто бегать к своим женщинам? — бросив на него гневный взгляд, Вэнь Юаньсинь выхватил полотенце и пошёл прочь.

— М? Обиделся? — Лун Сюань не придавал этому значения, вытер воду с тела, надел нижние одежды и вышел из-за занавесок, чтобы Луо Шу и Ин Хуа помогли ему одеться. — Юань, ты в последнее время что-то слишком часто переворачиваешь бочку с уксусом, а?

Вэнь Юаньсинь лишь фыркнул, решив весь вечер не обращать на него внимания, и позволил Юэ Цинь и Жуй Ци возиться со своей одеждой и волосами.

Тот, кому он был адресован, промолчал, зато заговорила стоявшая рядом Ин Хуа: — Ваше Величество, господин Мо не только в последнее время начал так делать!

— Да, да! В тот самый день, когда нас прислали прислуживать тебе, господин Мо, он уже тогда окатил нас уксусом от ревности! — Луо Шу весело подхватила слова младшей сестры. В её кокетливом смехе не осталось и следа от той хватки, что подобает мастеру боевых искусств.

— О? Неужели такое было? — Лун Сюань притворился удивлённым, хотя на самом деле ничуть не удивился. Ха! Он всё лучше и лучше узнавал этого своего маленького Юаньсиня.

— Да, действительно было! — Юэ Цинь улыбнулась и прикрепила связку украшений на пояс Вэнь Юаньсиню. — Готово! Великое дело завершено!

— Ну хватит уже! Перестаньте издеваться надо мной! — Вэнь Юаньсинь надул губы и недовольно проворчал: — Сюань, ты там скоро? Я ужасно проголодался!

— Разве не готово? Пошли! — Лун Сюань протянул руку, притянул к себе сердитого юношу и увлёк его за собой.

<http://bllate.org/book/21135/2144012>